

Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (<https://imonspb.ru>)

Борьба за молитву

Почему в один из воскресных дней (или, правильнее, в одну из Недель) Великого поста мы вспоминаем святителя Григория Паламу, архиепископа Фессалонитского? Пост называют временем воздержания, покаяния и молитвы. А святитель Григорий является одним из совершеннейших учителей молитвы в истории Православной Церкви.

Почему в один из воскресных дней (или, правильнее, в одну из Недель) Великого поста мы вспоминаем святителя Григория Паламу, архиепископа Фессалонитского? Пост называют временем воздержания, покаяния и молитвы. А святитель Григорий является одним из совершеннейших учителей молитвы в истории Православной Церкви. Более того: именно он смог объяснить, каков может и должен быть плод молитвы в его совершенном виде — когда молитва превращается из

«благочестивого упражнения» в средство подлинного богообщения; когда в ней совершается преображение, ветхий человек умерщвляется и рождается новый, способный по благодати зреть Свет Божества, пребывать в огне Божественной любви и не быть опаляемым им, подобно купине.

Говоря о духовной жизни, о мере своего личного преуспевания в ней, мы часто бываем склонны указывать на время, в которое мы живем, на людей, которые нас окружают, на обстоятельства — как на серьезнейшие к этому преуспеванию препятствия. И многое из того, на что мы в таких случаях ссылаемся, — действительно преграда. Атмосфера, в которой находится человек, наличие или

отсутствие примеров добродетели – все это оказывает на него огромное влияние, в значительной степени определяют его внутреннее состояние. Однако есть и еще один крайне существенный момент, о котором мы «благополучно забываем».

Святитель Григорий вошел в историю не только как выдающийся аскет и богомудрый архипастырь, не только как замечательный богослов и церковный писатель. С его именем связана известная полемика по поводу природы того Света, который созерцали в молитве афонские иноки-исихасты. Poleмика, увенчавшаяся победой — даже не его победой, а точнее сказать — Божественной истины. Почему не могли ученый муж Варлаам Калабрийский и его сторонники принять, вместить опыт святогорских отцов? Почему он казался им фантазией, прелестью и даже ересью? Почему они этот опыт уничижали и высмеивали? Потому что сами такого опыта не имели. Их жизнь не была подвигом, не была посвящена единому на потребу, не устремлялась вся к тому, что именовал преподобный Серафим «стяжанием Духа Святого». Они не жили молитвой и не знали Бога, открывающегося усердно ищущим Его. Они знали о Нем и не знали Его — такое бывает, к сожалению, очень часто. В одной Церкви находятся люди, в одних и тех же Таинствах участвуют, от одной Божественной Трапезы питаются, и даже, если о молитве говорить, одни и те же молитвы читают... И такая колоссальная разница, что пропасть меж теми и другими лежит.

Но это не та пропасть, через которую не перейдешь: мостик через нее всегда перекинут. Стань делателем — ревностным, неустанным — и ты обязательно хотя бы краешком сердца почувствуешь то, что чувствовали святые, прикоснешься к тому сокровищу, ради которого они оставляли и в прах вменяли все, что имели, и поймешь, что по сравнению с ним весь мир не стоит ничего.

Делателями были афонские монахи, и результат их делания — сердечная чистота, которая, по слову Евангелия, делает для твари возможным зрение Творца. Этот результат не оставлял сомнения в том, что созерцаемый святогорцами Свет не был некоей «иллюминацией», не был плодом горестного самообольщения, а был — Светом Божественным, Нетварным.

Не были такими делателями Варлаам и его союзники и потому оказались духовно слепы, уничижили и осмеяли дар благодати.

И не будет, мне кажется, ошибкой сказать, что и мы все время являемся в каком-то смысле участниками все тех же паламитских споров. Только выступаем мы в них — то на одной стороне, то на другой.

милости Своей, подает нам в ней Господь радость и утешение – мы единомысленны и единомысленны со святителем Паламой и отцами-афонитами; хоть и в малых крупицах, но нам открыт и ясен их опыт, так что писания Фессалоникского архипастыря лишь уясняют нам то, что мы начинаем понимать уже сами. А когда сводится вся наша христианская жизнь лишь к некой констатации того факта, что мы христиане, к исповеданию веры внешнему, к **вычитке**, а не молитве, тогда небо оказывается закрытым для нас и жизнь не воспринимается, как чудо. И мы вместе с Варлаамом удивляемся и сомневаемся: да разве возможно то, о чем говорят эти аскеты? Скорее всего, они просто слишком много постятся и слишком мало спят...

Слишком часто молитва, относясь по самому существу своему к области духовной, внутренней, оказывается оттесненной к сфере делания внешнего. Для многих людей чтение даже небольшого утреннего или вечернего молитвенного правила оказывается делом трудноисполнимым, вызывающим массу оговорок и нареканий: «Я был (была) бы рад (рада), но...» и далее следует целый список объяснений, почему чтение всех утренних и вечерних молитв решительно невозможно. При этом, однако, возможно многое другое. Разговор по телефону о погоде, просмотр мало отличающихся друг от друга по содержанию новостей в Интернете, долгое домашнее обсуждение какой-нибудь застарелой проблемы, разрешение которой от этого переливания из пустого в порожнее нимало не приближается. Ну, и, разумеется, телевизор. На него время находится практически всегда, он — вне конкуренции.

Безусловно, дело не в том, что молитва требует какого-то продолжительного времени. Она требует внутренних усилий — не всегда больших, но просто непривычных для того, кто такие усилия себя делать регулярно не заставляет. Она требует некоего «умирания» для дел, интересов, правил этого мира — хотя бы кратковременного, на 15-20 минут утром и на столько же вечером. Почему? — Потому что для того, чтобы молиться, а не **вычитывать**, необходимо **упраздниться** от всего, что не есть Бог. От всего, что отвлекает, уводит от Него, встает во время молитвы между нами и Им. Это дается необычайно трудно, мучительно, но именно тут — корень, сердцевина всей нашей христианской жизни. Так проверяется, что мы любим больше — Бога или мир и все, что в нем. Или, по крайней мере, что мы стремимся больше любить, что выбираем.

Вот почему столь важна молитва: она не только средство общения с Богом (хотя, кажется, что важнее этого?), она сама по себе, по тому, как мы относимся к ней, определяет всю нашу христианскую жизнь, все наше внутреннее содержание. Если мы верим, если Господь для нас — реальность, то молиться для нас так же естественно, как есть, пить, дышать; если же молитва

воспринимается как помеха, как что-то отрывающее нас от более важных дел, от чего-то, в сравнении с чем она представляется вещью незначительной, то какая уж может быть вера? Только та разве, которую называет апостол мертвой. Сурово? Но так оно и есть. И если мы это понимаем, то — все в наших руках. А если предпочитаем, «видя не видеть», то... пожалуй, мы уже в чьих-то руках. Только в чьих?

Впрочем, бывает и так, что и понимаем, и принимаем мы необходимость молитвы. И не как к чему-то внешнему к ней относимся, а дорожим возможностью хотя бы какое-то время в течение дня обращаться к Богу прямо, непосредственно, иногда молясь Ему словами, которые когда-то родились в сердцах святых и теперь становятся постепенно такими же родными и для наших сердец, иногда же говоря Господу о «своем» так, как это получается лично у нас. Мы уже и от разговоров лишних телефонных уходим, и от переливания из пустого в порожнее в беседах домашних. И даже телевизору чуть ли не бойкот пожизненный объявили. Но вот беда: все идет кувырком. Так день складывается, так подбираются дела, обстоятельства, так поступают с нами люди, словно они решили прогнать молитву из нашей жизни, не оставить ей никакого места. Это не они — люди, обстоятельства, дела. Это враг. Потому как ничто не мешает ему в такой степени, как молитва. Не мешает так губить нас. И, будучи хитрым и изобретательным, он использует для этой цели все – и людей, и дела, и обстоятельства. Так что кажется порой — ничего не поделать, безысходность какая-то...

Однако есть и у нас против него своя хитрость, свой «секрет». Бог ищет в молитве, как и во всем прочем, прежде всего нашего произволения. Было бы оно только, а все остальное Он Сам обязательно устроит. И потому вот, что важно: дать молитве в жизни своей не просто место, а место первое. Это не значит, что мы должны проводить в ней большую часть дня, что нашим постоянным спутником должны быть молитвослов или четки. Нет, речь о малом идет. Есть у нас правило — пусть небольшое, соответствующее нашим небольшим духовным силам,— значит надо выполнять его, во что бы то ни стало. Борьба за него всеми силами, не уступая ни на шаг. Подсказывает нам наше сердце, что нужно о чем-то Господу помолиться, попросить помощи, вразумления, утешения, прощения,— не надо откладывать. Выдалась свободная минутка, час или два — уделить хотя бы какую-то часть этой свободы молитве. Уже не как средству у Бога что-то попросить, а как возможности с Ним побыть...

...Когда становится жизнь человека такой борьбой, многое изменяется в ней, многое он начинает видеть и понимать совсем иначе. Многое... В том числе и учение святителя Григория Паламы, точнее — Церкви Православной — о Нетварном Божественном Свете, и о том, как сподобиться зрения его.

Игумен Нектарий (Морозов)

[Православие.Ru](http://pravoslavie.ru)

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
<https://imonspb.ru>

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27